

Varone G. T. Jocurile nationale Romanesti. București, 1938. P. 7, Burada T. T. Istoria teatrului in Moldova. Bucuresti, 1975. P. 57.

⁶ Bojinca D. Anticele Românilor. Buda, 1832; Pamfile T. Sărbătorile de vară la Romani. Bucuresti, 1910. P. 58—59; Burada T. T. Op. cit. P. 56; Niculescu-Varone G. T., Gainaria-Varone E. C. Op. cit. P. 40.

⁷ Paget J. Hungary and Transylvania. L., 1839; Grindea M., Grindea C. Dances of Romania. L., 1952. P. 7—16.

⁸ Eliade R. Gocul Calusarilor // Curier romaneste. XV 41 mai 1843. P. 167. Цит. по: Burada T. T. Op. cit. P. 54—55. Название работы уточнено по: Niculescu-Varone G. T., Ganariu-Varone E. C. Op. cit. P. 200.

⁹ Pamfile T. Op. cit. P. 59.

¹⁰ Frincu T., Candrea G. Români din Muntii Apuseni (Motii). Bucuresti, 1888. P. 130—133.

¹¹ Pamfile T. Op. cit. P. 55—58.

¹² Burada T. T. Op. cit. P. 58—59.

¹³ Radulescu-Codin C., Michalache D. Sărbătorile poporului. Bucuresti, 1909. P. 69.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Pamfile T. Op. cit. P. 62.

¹⁶ Военная фракийская песнь, связанная с именем знаменитого царя фракийского племени одрисов Сималка (?), царствовавшего во второй половине V в. до н. э.

¹⁷ Ксенофонт. Анабасис. Кн. VI. Гл. I. М.; Л., 1951. С. 5, 6.

¹⁸ Annuarul Muzeului etnografic al Transilvaniei pe anii 1962—1964. Cluj, 1966. P. 287, 295.

¹⁹ Niculescu-Varone G. T. Jocuri Romanesti necunoscute. Bucuresti. 1930. P. 13—14.

²⁰ Burada T. T. Op. cit. P. 54.

²¹ Очерки общей этнографии. Зарубежная Европа. М., 1966. С. 75.

²² Nadejde S. Inzeirea sufloteler la Români, Nouă Revistă Română. Pentru politica, literare, stiinta și artă. 1900. V. I. № 5. P. 217—218.

²³ Nadejde S. Op. cit. P. 218.

²⁴ Istoria Teatrului in România. V. I. Bucuresti, 1965. P. 48—51.

²⁵ Ibid. P. 51.

© 1991 г., СЭ, № 5

Ю. А. Вознесенская

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ НИГЕРИИ

Среди сложных проблем, которые приходится сейчас решать многим государствам, национальные проблемы наряду с социально-экономическими и политическими занимают одно из ведущих мест.

События второй половины 1980-х годов в различных регионах мира, особенно в странах Восточной Европы и Советского Союза (где национальный вопрос формально считался давно решенным), ярко продемонстрировали, что без урегулирования национальных проблем практически невозможно добиться успехов как в экономике, так и в области политических отношений.

Как показала мировая практика, в многонациональном обществе федерализм как принцип и федерация как форма организации государства содержат наиболее оптимальный механизм регулирования национальных отношений, обладающий возможностью эффективного сочетания этнических и государственных интересов, что тем не менее отнюдь не исключает возникновения этнических конфликтов, которые порой приобретают довольно острые формы.

Значительная роль в обеспечении успешного развития федерации принадлежит конституции, которая должна располагать соответствующим механизмом изменения федерации, приспособления к меняющейся ситуации. Наличие такого условия может рассматриваться как один из гарантов успешного развития федерации.

В этой связи заслуживает определенного внимания опыт Федеративной Республики Нигерии, стремящейся решить свои сложные этнополитические проблемы путем совершенствования государственно-правового механизма. Опыт Ниге-

рии в этом отношении имеет большое значение, так как это — крупнейшая по численности населения страна в Тропической Африке (более 100 млн. человек), выделяющаяся из остальных африканских государств самым большим языковым, этническим и религиозным разнообразием. В ней проживает, по разным данным, от 200 до 500 этнических групп, значительно различающихся по численности: 3 самых крупных этноса — хауса, игбо, йоруба составляют 58% населения, а 100 самых малочисленных — 7%¹.

Языковая ситуация в Нигерии также характеризуется исключительной сложностью. Здесь говорят на языках, которые входят в три из четырех больших языковых семей Африки. Ведущее место занимают три крупнейших языка не только Нигерии, но и всей Западной Африки — хауса, йоруба и игбо, которые были главными языками трех регионов: Северного, Западного и Восточного, представляющих административное устройство Нигерии до 1963 г. Остальные языки сильно разнятся по численности их носителей — от нескольких тысяч и даже сотен до нескольких миллионов (фула, канури, тив, ибибио и др.). Помимо этнических языков в Нигерии распространены английский язык (как государственный), пиджин-инглиш и литературный арабский (как «специальный» язык религии и культуры).

По современному политическому устройству Нигерия представляет собой федерацию из 21 штата, которые полиэтничны по своему составу, хотя при создании новых штатов этнолингвистический принцип учитывался, и во многих из них один народ составляет большинство населения, что в свою очередь создает проблему взаимоотношений между этническим большинством и этническими меньшинствами.

Попытки достичь этнического баланса путем увеличения количества штатов предпринимались в независимой Нигерии неоднократно: в 1963 г. был создан 4-й, Средне-Западный штат помимо 3-х существовавших в то время регионов: Северного, Восточного и Западного, созданных в 1947 г.; в 1967 г. из 4-х штатов было образовано 12; в 1976 г. из 12 штатов — 19 и в 1987 г. создано еще 2 дополнительных штата.

Система штатов, учитывающая этнолингвистические границы, в некоторой степени уменьшила существующую этническую напряженность, способствовала достижению некоторого структурного равновесия. Однако вопросы административно-территориального устройства продолжают оставаться предметом споров и борьбы, а многочисленные требования создания дополнительных штатов, поступающие в правительство из различных регионов страны, указывают на то, что национально-территориальная структура нигерийской федерации не удовлетворяет требованиям всех этнических общностей, которые убеждены в том, что, только имея свою государственность, они могут достичь определенного уровня модернизации, рассчитывать на свой «кусочек от национального пирога».

Сложность межэтнических отношений во многом усугубляется религиозными противоречиями, острой конкуренцией ислама с христианством, которая выливается в этноконфессиональные конфликты между преимущественно мусульманским Севером (хауса, фульбе, тив, канури, нупе и др.) и христианским Югом (йоруба, игбо, эдо, ибибио и др.). Эти противоречия усиливаются и региональными диспропорциями социально-экономического развития Севера и Юга.

Вся 30-летняя история независимого развития Нигерии показывает, что этнический фактор не только не утратил своего значения, но и продолжает играть заметную роль в современной политической жизни страны. Как отмечают советские исследователи, «он проявляется в деятельности политических партий и организаций, в армии и военных переворотах, в организации государственного управления, влияет на формирование политики и осуществление конкретных социально-экономических и культурных мероприятий в различных штатах страны»².

Очень показательным выступление пр. зидента Нигерии генерала Ибрагима Бабангиды на открытии конференции в г. Абудже по национальному вопросу:

«Я давно мечтаю о том, чтобы за время моей жизни было достигнуто такое положение, при котором большинство нашего народа будет считать себя в первую очередь нигерийцами, и только во вторую — хауса, урхобо, тив, иджо, йоруба, игбо и т. п.»³

В настоящее время возглавляемое Бабангидой военное правительство Нигерии, объявившее о передаче власти гражданскому правительству 1 октября 1992 г., стремится заложить основы регулирования межнациональных отношений с помощью конституционного механизма, посредством закрепления в новой Конституции 1989 г. (которая вступит в полную юридическую силу 1 октября 1992 г.) положений, направленных на решение наиболее острых этнополитических проблем. К этим проблемам прежде всего относятся: принцип государственного устройства, проблема формирования институтов власти, начиная с высшего эшелона, и кончая местными органами управления; административно-территориальное устройство и связанная с этим проблема коренного населения; роль политических партий в государстве вообще, и в формировании институтов власти в частности; этноконфессиональная проблема; проблема общенационального языка.

Новая Конституция, принятая в мае 1989 г., закрепляет федеративный характер государственного устройства страны, впервые вводит двухпартийную систему, оставляет в силе двухпалатную организацию высшего органа государственной власти и президентскую форму правления, ограничив пребывание президента на посту двумя 4-летними сроками, усиливает роль местных органов власти.

Конституционная Ассамблея, более года работавшая над созданием новой Конституции, уделила особое внимание анализу и развитию положений, определяющих федеративный характер государственного устройства как наиболее эффективный инструмент, способный интегрировать в единое целое и консолидировать в границах крупного государства сотни крупных и малых народов, желающих вместе с тем сохранить свою этническую и культурную самобытность.

Основные положения, относящиеся к федеративному характеру и национальной интеграции в Нигерии, содержатся не менее чем в 12 разделах Конституции. Эти положения отражают взаимоотношения между правительством и народом, политические и экономические цели федерации, права граждан на свободу перемещения и защиту от национальной сегрегации и дискриминации. Они содержатся также в положениях о выборах президента, назначениях в государственные и общественные органы и т. д. «Состав правительства федерации или любого из его органов, а также ведение дел в них должны осуществляться таким образом, чтобы отражать федеративный характер Нигерии и способствовать национальному единству, гарантируя отсутствие привилегий лицам из отдельных штатов, из определенных этнических или других особых групп.

Состав правительства штата, местных органов власти и их подразделений и ведение дел в них должны осуществляться таким образом, чтобы признавать многообразие народов данного региона и способствовать развитию чувства общей принадлежности среди всех народов федерации»⁴.

Принцип федеративного характера Нигерии прослеживается в разделах, согласно которым президент должен обеспечить назначения министров таким образом, чтобы включить в Кабинет хотя бы одного коренного жителя из каждого штата. Составы государственных советов и комиссий, вооруженных сил (офицерский корпус и др.) должны отражать федеративный характер Нигерии посредством включения в них представителей каждого штата (ст. 217).

При выборах президента предусматривается, что кандидат должен набрать не менее $\frac{1}{3}$ голосов в каждом штате (которые должны составить $\frac{2}{3}$ всех нигерийских штатов).

Что же конкретно означает «отражение федеративного характера» Нигерии?

Во время общенациональной дискуссии по будущему политическому устройству страны, которая освещалась в печати на протяжении 2,5 лет, вплоть до принятия новой Конституции 3 мая 1989 г., определялась следующая трактовка «федеративного принципа»: 1) равное представительство штатов в составе федеральных структур: министерств, правлений государственных корпораций, агенств и других учреждений, гражданских служб; 2) равенство в доступе к образованию: распределение мест в федеральных высших учебных заведениях на основании равных квот от штатов (в большинстве колледжей 80% мест — на основе квот, 20% — на общих основаниях); 3) равенство экономических возможностей: в равномерном размещении отраслей промышленности, развитии инфраструктуры, размещении промышленных проектов и т. д.; 4) равенство в распределении государственных доходов.

Следует отметить, что принцип представительства каждого штата в федеральных органах на основе систем квот вызывал недовольство у южан. Они считали, что во время действия предыдущей Конституции этот принцип способствовал тому, что северяне заняли многие важные посты в федеральной гражданской службе, полиции, вооруженных силах, бюрократических и технологических институтах, часто не обладая необходимыми профессиональными качествами⁵.

Здесь проявилась одна из вечных проблем приоритета в многонациональном государстве — этнический признак или профессионализм, в котором так нуждаются развивающиеся страны со слаборазвитой экономикой. В Нигерии пошли преимущественно по пути равного представительства, полагая, что только при равном представительстве субъектов федерации все ее члены получают возможность оказывать влияние на принятие решений на общенациональном уровне.

Что касается экономической сферы, то здесь реализация федеративного принципа сталкивается с огромными трудностями, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи. Об интенсивности борьбы за экономические ресурсы говорит частота пересмотра формулы распределения государственных доходов между тремя уровнями — федерального правительства, правительств штатов и местных органов управления: с 1948 по 1966 г. она менялась 5 раз, с 1966 г. по настоящее время — четырежды⁶. В опубликованном бюджете на 1991 г. соотношение между центром и региональными уровнями изменилось в пользу передачи больших полномочий на места⁷. Вместо формулы 55:35:10 будет действовать соотношение 50:35:15; т. е. за счет сокращения доли федерального правительства в общегосударственных доходах увеличивается доля местных органов власти. Это даст им возможность располагать значительными финансовыми ресурсами для решения важных экономических и социальных вопросов «местного» значения.

Принцип равенства возможностей и координации между участниками федерации является важнейшим для ее успешного функционирования. Тем самым обеспечивается самостоятельность субъектов настолько, насколько это не противоречит цели самой федерации.

Формула распределения дохода и действие «федеративного принципа» в Нигерии гарантировали каждому участнику федерации определенную защиту жизненных интересов, увеличивали их доходы и обеспечивали представительство на федеральном уровне. Поэтому не удивительно, что требования создания новых штатов периодически поступали из наиболее полиэтнических регионов и достигали апогея в переходные периоды от военного к гражданскому правлению, когда разрабатывались новые Конституции, закрепляющие основы государственного устройства в соответствии с «федеративным принципом». Так, в переходный период ко Второй республике (1979—1983 гг.) предлагалось увеличить количество штатов до 57. Во время общенациональной дискуссии по будущему политическому устройству Третьей республики предлагалось создать 6 дополнительных штатов (к существующим тогда 19), по 3 на севере и на юге.

Однако Правящий Совет Вооруженных Сил (ПСВС) решил «в национальных интересах» ограничиться созданием 2-х штатов: Кацина на севере и Аква Ибом на юге. Предполагая, что такое решение вызовет недовольство, президент И. Бабангида в сентябре 1987 г. объявил, что во время перехода к гражданскому правлению никакие дальнейшие петиции по этом вопросу от политических деятелей и представителей каких-либо общин или этнических групп рассматриваться не будут.

Было бы ошибочно думать, что периодическое создание новых штатов, способствовавшее на определенных этапах децентрализации власти и более равномерному распределению государственных ресурсов среди всего населения, может и впредь удовлетворить требования всех народов и окончательно решить проблему национально-территориального устройства. Напротив, дальнейшие действия в этом направлении были бы менее эффективны и не только значительно увеличили бы расходы на управленческий аппарат, новые гражданские службы и т. д., но и усилили бы зависимость штатов от центра⁸.

С проблемой штатов тесно связано и такое явление современного нигерийского федерализма, как «штатоцентризм», или «штатизм», которое нигерийские политические деятели характеризуют как «агрессивную форму субнационализма»⁹.

Это явление стало особенно заметным в период экономического спада начала 1980-х годов и проявилось практически во всех штатах как дискриминационная практика, которая не давала некоренному населению (выходцам из других штатов) возможностей, получаемых местными жителями того или иного штата в области трудоустройства, доступа к образованию, получения школьных наград и др. Так называемые «мигранты» если и принимались на работу, то по контракту, а в системе бесплатного обучения местные власти с них взымали плату, несмотря на то, что Конституция предусматривала право свободного перемещения нигерийцев по стране.

Юридически разграничение между «коренным» и «некоренным» населением было определено в Конституции 1979 г., которая относит к «коренному» населению штатов тех нигерийских граждан, чьи родители или прародители жили на территории этого штата (ст. 277(1))¹⁰. Понятие «коренного» населения (indigeneity) существовало и до принятия Конституции 1979 г. Оно вошло в Конституцию 1954 г. в связи с регионализацией страны. Но последствия такого разграничения были гораздо менее ощутимы, чем в настоящее время. Житель любого из трех существовавших тогда регионов: Северного, Западного или Восточного — имел значительно более широкие возможности выбора места работы или обучения детей, чем теперешний «коренной» житель какого-либо штата, вычленившегося из бывших регионов. В связи с уменьшением размеров штатов (по мере увеличения их количества) значительно сузилось и определение «коренной житель». В результате все большее число нигерийцев оказываются «чужаками» в местах своего проживания.

В США, Канаде или Австралии требования, определяющие гражданство на уровне штата, в среднем ограничиваются проживанием в течение 1 года. В таких полиэтнических государствах, как Индия, начиная с 1960-х годов в штатах при наборе служащих или зачислении в университеты предпочтение отдается кандидатам со сроком проживания на данной территории от 5 до 15 лет (в разных штатах по-разному), т. е. в отличие от Нигерии в этих государствах исходят из времени проживания, а не из места рождения предков. Таким образом, в Нигерии сама Конституция, закрепляя подобную трактовку «коренного» населения, создает почву для дискриминационной политики в отношении «некоренных» жителей.

Так, вскоре после образования нового штата Аква Ибом большая группа журналистов, проживающих на его территории, была уволена из органов средств массовой информации штата Кросс Ривер, от которого отделился новый штат. Они стали рассматриваться властями штата Кросс Ривер как «чужаки», занимающие рабочие места, которые могут быть предоставлены местным жите-

лям¹¹. Власти штата Сокото тоже отказывались брать на постоянную работу с гарантией последующей выплаты пенсии нигерийцев из других штатов, кроме врачей и учителей математики¹².

Во многих штатах существует тенденция, направленная на то, чтобы право получения бесплатного школьного образования предоставлялось только «коренным» жителям. Направления от штатов по существующим квотам в различные федеральные учреждения, включая вооруженные силы, Нигерийскую Академию обороны, федеральные колледжи и т. п., получали только «коренные» жители. В этой связи «некоренным» гражданам часто приходилось даже менять свои имена¹³, чтобы формально сойти за коренного жителя, так как по имени часто можно определить этническую принадлежность.

Такие действия имели мало общего с конституционными положениями о свободе перемещений, праве свободного проживания любого гражданина в любой части федерации или праве заключения смешанных браков людьми разных религий, этнических групп.

В связи с расширением подобной дискриминационной практики во многих штатах встал вопрос о необходимости пересмотра статуса «коренного жителя». Он был поставлен перед Нигерийской ассоциацией политических наук в августе 1985 г. Ее члены считали, что «нигерийцы должны иметь все права гражданства вне зависимости от места проживания на территории страны»¹⁴. Созданное через год Политическое Бюро включило в число рекомендаций правительству специальную главу, посвященную этой проблеме. Главная рекомендация состояла в том, чтобы признать полные права на жительство (full residency rights) для всех нигерийских граждан, проживающих на территории данного штата в течение 10 лет. Федеральное правительство приняло к сведению эту рекомендацию, поручив подготовку ее разработки специальной Президентской комиссии. Тем не менее новая Конституция сохранила то же самое определение «коренного» населения, которое содержалось в предыдущей Конституции 1979 г.¹⁵ Считается, что тема слишком «болезненна», чтобы освещать ее детально в Конституции. Но так как в ней отсутствуют статьи, регулирующие эту острую проблему, нет сомнений в том, что по возвращении Нигерии к гражданскому правлению и активной деятельности политических партий она неизбежно возникнет снова.

Что касается самих политических партий, то, как отмечалось, им принадлежит значительная роль в формировании институтов власти, призванных отражать национально-территориальную и социально-политическую структуру нигерийской федерации. Именно поэтому военная администрация, объявив о своем стремлении передать власть гражданскому правительству, уделила исключительно много внимания принципам формирования политических партий, их структуре, деятельности и т. д., поставив во главу угла все тот же «принцип федерализма». В директивах по формированию партий указывалось, что они должны отражать федеративный характер страны, иметь функционирующие представительства в каждом штате, быть открытыми для вступления в членство любого гражданина независимо от вероисповедания, пола и места рождения, предусматривать в уставах периодическое переизбрание своих руководящих органов в соответствии с демократическими процедурами и т. п. Для партий не должно быть религиозных, этнических, географических и социально-экономических рамок. Более того, был провозглашен запрет на наименование, эмблему или лозунг любой политической партии, содержащий указание на этническую или религиозную принадлежность или указывающий, что их деятельность и членство в них связаны с определенным географическим районом Нигерии. Партии должны выработать четкие конструктивные программы и выражать экономические, политические, социальные и культурные интересы всего нигерийского народа¹⁶.

Решив создать впервые закрепленную в Конституции двухпартийную систему, военный режим исходил из того, что такая система сведет к минимуму

религиозные, этнические, региональные и местнические противоречия в политической жизни страны, позволит избежать серьезных ошибок прошлых режимов, а именно — формирования партий вокруг трех ведущих этнических групп: хауса, йоруба и игбо.

Однако из 13 политических ассоциаций, которые подали официальные заявки для регистрации, ни одна не прошла в качестве политической партии, так как, по мнению правительства, они не отвечали предъявляемым к ним требованиям. В результате администрация сама создала две партии и разработала их уставы, программы и даже символику: левоцентристскую Социал-демократическую партию (СДП) и правоцентристскую — Национальный республиканский конвент (НРК). Тем не менее возникают серьезные и вполне обоснованные опасения в том, что создание двухпартийной политической системы приведет к углублению раскола между мусульманским Севером и христианским Югом, обострит и без того напряженную религиозную обстановку в стране, которая особенно явно обозначилась во время общенациональной дискуссии по будущему политическому устоятву Нигерии и обсуждения проекта новой Конституции.

Крайне важным и острым был вопрос об отношении государства к религии. ПСВС, учитывая реальности конфессиональных процессов в стране, принял решение о том, что ни одна из исповедуемых религий не будет принята в качестве государственной, что и вошло в новую Конституцию. Целый ряд статей (11, 37, 242, 259—61 и 272) посвящен взаимоотношениям государства и религии. В них, в частности, говорится о том, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, включая свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать и распространять свою религию или убеждения в отправлении культа, учении, выполнении религиозных и ритуальных обрядов». Кроме того, «ни одной религиозной общине или группе не должны ставиться препятствия в предоставлении религиозного образования ученикам этой общины или группы в любом учебном месте, находящемся полностью на содержании этой общины или группы» (ст. 37)¹⁷.

В настоящее время нельзя не признать, что лучшая организация и сплоченность мусульман, их активная религиозная деятельность как внутри страны, так и на международной арене объективно ставят их в более выгодное положение по сравнению с более разобщенной и малочисленной христианской общиной. Поэтому самым взрывоопасным в переходный период оказался вопрос о судах шариата, так как мусульмане стремились добиться конституционного закрепления законности применения судов шариата на федеральном уровне, против чего решительно выступали представители христиан.

Следует отметить, что члены Конституционной Ассамблеи так и не смогли компромиссно решить эту проблему. ПСВС же включил в новую Конституцию положение, согласно которому любой гражданин-немусульманин ни под каким видом не будет подпадать под юрисдикцию судов шариата. Учреждаться они будут только в тех штатах, которые одобряют их создание, и разбираться в них будут только дела мусульман (ст. 261).

Подобное мудрое, на наш взгляд, решение действительно учитывает реальную обстановку в стране, не создавая привилегированного положения одному вероисповеданию по отношению к другому.

Деятельность мусульманских и христианских организаций не ограничивается чисто религиозными рамками, а приобретает явную политическую направленность, что обычно характерно для переходных периодов или острых кризисных ситуаций.

Еще в октябре 1987 г. известный мусульманский деятель, Шейх Абубакар Гуми, в целом одобряя предложенную президентом двухпартийную политическую систему, предполагал, что это может привести к мусульманско-христианскому разделению страны больше, чем к поляризации Север — Юг. Он считал, что мусульмане не потерпят христианского главу федерального правительства: «...он может быть назначен только силой или в результате военного переворота, в результате же выборов немусульманину будет очень трудно стать лидером

Нигерии»¹⁸. На вопрос, что произойдет, если христиане откажутся принять мусульманина в качестве главы государства. А. Гуми ответил: «Тогда мы разделим страну». Реакцией на это заявление было высказывание архиепископа А. О. Окоги о том, что в аналогичном случае христиане сожгут страну¹⁹.

В этой связи, как отмечалось выше, возникла довольно реальная угроза размежевания двухпартийной системы по религиозному признаку. При регистрации членов партии северные мусульмане останавливали свой выбор на правоцентристской партии Национальный республиканский конвент, в то время как ряд христианских церквей проводил работу в пользу левоцентристской Социал-демократической партии. Военной администрацией была проделана большая работа, чтобы не допустить такого раскола. Президент И. Бабангида обратился к религиозным лидерам и традиционным местным правителям, взяв с них слово, что они не будут привлекать своих прихожан и своих подданных к участию в той или иной партии на этнорегиональной или религиозной основе. В том же духе правительством были сориентированы и средства массовой информации, руководство университетов и других высших и средних учебных заведений, различных общественных организаций.

К июлю 1990 г. была закончена регистрация членов партии, прошли выборы в национальные исполкомы партий как на уровне штатов, так и на федеральном уровне. Выборы в национальные исполкомы проводились по системе «зонирования», т. е. если на пост председателя партии избирали представителя Севера, то его заместитель должен был быть с Юга, а место казначея предоставляли западным регионам и т. д. На уровне партийных организаций штатов такое «зонирование» осуществить было менее сложно, чем в масштабе всей федерации, где в национальные исполкомы двух партий надо выбрать по 14 человек, а регионов и групп, жаждущих быть представленными «своими» людьми, было гораздо больше. В результате лидером партии Национальный республиканский конвент стал Томе Икимуе, христианин, в прошлом процветающий бизнесмен. А Социал-демократическую партию возглавил мусульманин Бабагана Кингибе, много лет находившийся на дипломатической службе. По характеристикам, появившимся в нигерийской прессе, предполагается, что оба лидера будут служить хорошим «цементирующим звеном» в своих партиях, в частности, во взаимоотношениях между мусульманами и христианами и между различными фракциями внутри партий.

Проблема зонирования как объективное отражение этнополитических и этноконфликт возможно только путем развития концепции так называемого «двой-острых дискуссий как в нигерийском обществе, так и среди ученых-политологов»²⁰. Предлагалось разделить страну на несколько зон (близких в культурно-историческом отношении), примерно равных по численности населения, и осуществлять ротацию власти разными способами между этими зонами.

Так, нигерийский политолог А. Акинола считает, что предотвратить превращение двухпартийной политической системы в религиозно-региональный конфликт возможно только путем развития концепции так называемого «двойного президентства», что подразумевает: 1) разделение страны на зоны для осуществления ротации руководства страной; 2) выдвижение каждого кандидата от партий на пост президента и вице-президента из двух зон, одного — мусульманина, другого — христианина; 3) смену постов избранных президента и вице-президента в течение фиксированного срока пребывания у власти²¹. Предлагалось конституционно закрепить идею ротации, однако она не нашла поддержки у ПСВС и не вошла в новую Конституцию.

Вновь избранные лидеры двух нигерийских партий — Б. Кингибе и Т. Икимуе, оправдывая необходимость «зонирования» на прошедших партийных выборах, в то же время считают, что такой подход является неприемлемым при избрании будущего президента страны, который должен представлять не отдельный регион или ту или иную группу населения, а интересы всей нации, всех без исключения ее слоев.

Нельзя не отдать должное президенту И. Бабангиде, который последовательно выполняет объявленный им еще в 1987 г. поэтапный план перехода к гражданскому правлению к октябрю 1992 г. в условиях очень сложной внутриполитической обстановки в стране, когда накал политических страстей постоянно подогревается традиционными для Нигерии противоречиями — религиозными и этнорегиональными. Очевидно, что в этих условиях правильное проведение национальной политики на пути создания будущего демократического общества не может осуществляться без учета огромной роли этноконфессионального фактора, влияние которого на политические структуры Нигерии, на процессы национально-политической интеграции в ближайшем будущем определенно не уменьшится.

Еще один важный фактор, осложняющий эти процессы в такой полиэтнической стране, как Нигерия, — отсутствие общенационального языка. Эта проблема продолжает оставаться нерешенной и вызывает горячие дебаты²².

Один из парадоксов проблемы национального языка в Нигерии состоит в том, что в то время, как значительная часть нигерийцев высказывается за принятие в качестве национального языка иного, чем английский, немногие убеждены в том, что это должен быть не их этнический язык.

Многие считают, что таким языком должен стать или хауса, или йоруба, или игбо, так как на них уже говорят миллионы нигерийцев и они являются лингва франка на обширной территории, в том числе и за пределами Нигерии; на этих языках существует литературная традиция, поэтому не требуется дополнительная работа по их унификации и созданию литературных норм.

Есть приверженцы выбора языка какой-либо другой этнической группы Нигерии, так как это, по их мнению, сможет положить конец старому соперничеству между тремя главными языками страны.

Однако, как и в большинстве стран Западной Африки, главным препятствием для выделения местного языка в качестве государственного остается крайний языковой национализм, неприятие одного из этнических языков в ущерб престижу собственного.

Как альтернативный вариант выдвигаются предложения создать некий искусственный язык на базе трех указанных выше. Например, WAZOBIA, получивший название путем составления слова «приходить» из трех языков — йоруба, хауса, игбо; или GUOSA, лексический состав которого включает слова и части слов из нигерийских языков²³. Но, как показал опыт мирового развития, искусственно созданные языки нигде не прижились.

Исключительно важную роль в Нигерии как средство межэтнического общения играет пиджин-инглиш, который широко распространен в крупных городах, особенно в Южной Нигерии, и используется преимущественно в неофициальных сферах общения. Однако перспектива принятия его в качестве общенационального языка встречает большое противодействие со стороны образованной части общества, рассматривающей пиджин как испорченный, неправильный вариант английского.

В этой связи некоторые ученые предлагают вариант так называемого «нигерийского английского» языка, единого по произношению и структуре, по аналогии с американским или австралийским английским. Не исключено, что путем «индентификации» стандартного английского языка его нигерийский диалект сможет в большей степени выражать нигерийскую культуру и в то же время способствовать сплочению народов, став языком, который они могли бы считать своим, а не рассматривали как британское наследие.

Сложность этнополитических проблем, как и всего национального вопроса в Нигерии в целом, обусловлена прежде всего их многоплановым характером, имеющим исторический, политический, экономический, правовой, культурно-языковой и другие аспекты.

Несмотря на очевидную внутреннюю противоречивость осуществления многих политических реформ в Нигерии, выражающуюся прежде всего в том, что

переход к демократии происходит в условиях военного режима и сама выработанная им программа перехода к гражданскому правлению «недемократически» спускается сверху вниз, нельзя не отметить определенные усилия военной администрации активнее внедрять в жизнь принципы, провозглашенные в новой Конституции. Они направлены на то, чтобы оздоровить политический и нравственный климат в стране, а также решить национальные, территориальные, этноконфессиональные проблемы, поставив во главу угла принцип федерализма. В этой связи результаты эксперимента в Нигерии, в которой проживает четверть населения Черной Африки и которая идет к демократии своим особым путем, привлекают острое внимание как Африканского континента, так и мировой общественности в целом.

Примечания

- ¹ *Ukwu J. U.* Federalism Integration and Development: Some Options // Federal Character and National Integration in Nigeria. Kuru. 1987. P. 187.
- ² *Исмагилова Р. Н., Грушевский А. Ю.* Этнический фактор в политической жизни Нигерии // Нигерия: власть и политика. М., 1988. С. 48.
- ³ Opening Address at the National Seminar on the National Question in Nigeria. Abuja. 1986. Aug. 4.
- ⁴ The Constitution of the Federal Republic of Nigeria (Promulgation) Decree 1989 // Suppl. to Official Gazette Extraordinary № 29. Lagos, 1989, May 3.
- ⁵ *Suberu R. T.* Federalism and Nigeria Political Future // African Affairs (L.). 1988. Vol. 87. № 348.
- ⁶ *Ukwu J. U.* Federal Financing of Projects for National Development and Integration // Federal Character and National Integration in Nigeria. Kuru, 1987. P. 116.
- ⁷ Federal Ministry of Information. Press Release № 953. Lagos, 1990, 31 Dec.
- ⁸ См. подробнее: *Diamond L.* Issues in the Constitutional Design of a Third Nigerian Republic // African Affairs. (L.). 1987. V. 86. № 343; *Suberu R. T.* Op. cit.
- ⁹ *Osaghae S. E.* The Problem of Citizenship in Nigeria // Alternative Political Futures for Nigeria. Lagos, 1987. P. 322—323.
- ¹⁰ The Constitution of the Federal Republic of Nigeria. 1979. Lagos, 1979. P. 90.
- ¹¹ West Africa (L.). 1988. Apr. 25. № 3689. P. 751.
- ¹² African Concord (Lagos). 1987. Sept. 17. P. 2.
- ¹³ См. подробнее: *Bach D. C.* Managing a Plural Society: the Boomerang Effects of Nigerian Federalism // J. Commonwealth and Comparative Politics (L.). 1989. Vol. 27. № 2.
- ¹⁴ Communique of the Seminar to Mark the Silver Jubilee of Nigeria's Independence // J. Niger. Politic. Sci. Association (Lagos). 1985. № 4. P. 27.
- ¹⁵ The Constitution ... 1989. Sect. 321 (1). P. 29.
- ¹⁶ Federal Republic of Nigeria. National Electoral Commission. Main Guidelines // Formation of Political Parties. Lagos, 1989.
- ¹⁷ The Constitution ... 1989. Sect. 37.
- ¹⁸ West Africa (L.). 1987. Oct. 19. № 3662. P. 2089.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ *Diamond L.* Op. cit.; *Akinola A.* Nigeria: the Quest for a Stable Polity // African Affairs (L.). 1988. Vol. 87. № 348; A Critique of Nigeria's Proposed Two-Party System // J. Modern. Afr. Studies (L.). 1989. Vol. 27. № 1.
- ²¹ *Akinola A. A.* A Presidency on Rota // West Africa (L.). 1988. Jan. 25. № 3675. P. 135; Coping with Religion and Ethnicity // National Concord (Lagos). 1988. Febr. 17. P. 3; Of Two-Man Presidency: Religion and Ethnicity // New Nigerian (Lagos). 1988. March. 11. P. 5.
- ²² См. дискуссию по проблеме национальных языков в журнале West Africa (L.). 1987. № 3630, 3640, 3646; *Attah M.* The National Language Problem in Nigeria // Canad. J. African Studies (Toronto). 1987. Vol. 21. № 3. P. 395.
- ²³ *Igbeneweke H. A.* Guosa Language as a Lingua Franca for Nigeria // Conference of the Linguistic Association of Nigeria. Benin, 1983.